

ГНЕЗДОВСКИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС И ПУТЬ ИЗ ВАРЯГ В ГРЕКИ

Древняя Русь IX—XI вв., крупнейшее европейское государство раннего средневековья, раскинувшееся на обширных и зачастую малонаселенных просторах Восточной Европы, не могла существовать без разветвленной системы путей сообщения. Основой этой системы, ее стержнем был путь «из варяг в греки», связывавший между собой главные города Руси — Киев и Новгород, а всю Русь в целом — с ее основными политическими и культурными партнерами — Скандинавией и Византией. Все важнейшие события ранней русской истории — призвание варяжских князей, захват Киева дружинами Аскольда и Дира, объединение Олегом Северной и Южной Руси, походы киевских князей на Царьград — связаны с функционированием Пути из варяг в греки или его отдельных участков. Этот путь был своего рода каркасом, вокруг которого первые Рюриковичи возводили здание русской государственности. Столь же тесно с ним связана и история Гнездова.

Единственное дошедшее до нас описание Пути из варяг в греки содержится в недатированной части «Повести временных лет» (начало XII в.): «Был путь из Варяг в Греки и из Грек по Днепру, а в верховьях Днепра — волок до Ловати, а по Ловати можно войти в Ильмень, озеро великое; из этого же озера вытекает Волхов и впадает в озеро великое Нево (Ладожское), и устье того озера (р. Нева) впадает в море Варяжское (Балтийское)». Самой сложной и, несомненно, стратегически важной его частью был переход из Ловати

(бассейн Балтийского моря) в Днепр (бассейн Черного моря). К сожалению, именно этот участок отражен в «Повести» наименее подробно: в задачу летописца не входило детальное описание мелких рек и волоков.

Лаконизм первой русской летописи породил в наше время длительную дискуссию о том, как конкретно проходил Путь из варяг в греки между Ловатью и Днепром. Сегодня не вызывает сомнений, что на территории северо-восточной Белоруссии и западной Смоленщины в IX—XI вв. существовало несколько водно-волоковых путей, связывавших две речные системы. Основной материал для их реконструкции дает археология.

Совершенно очевидно, что Путь из варяг в греки и, особенно его важнейший днепро-ловатский участок, не мог функционировать без сложной системы поселений, жители которых помогали путешественникам преодолевать хитросплетение рек и связывавших их волоков, продвижение по которым было очень тяжелым и часто опасным делом. Безусловно, главным таким пунктом было Гнездово, разросшееся к концу X в. до масштабов целой агломерации близких по характеру поселений во главе с раннегородским центром в устье р. Свиной на правом берегу Днепра. Размеры и облик Гнездова ставят его в один ряд с Киевом и Новгородом того времени, также узловыми пунктами на пути «из варяг в греки».

Однако на Смоленщине известны и другие археологические памятники, более низкого ранга, тоже входившие в инфраструктуру военно-торговых коммуникаций. Эти, на первый взгляд, рядовые курганные кладбища сельских жителей содержат погребения скандинавов, оружие, редкие для нашей территории привозные украшения и бытовые предметы, а также весы и гири — атрибут торговцев и сборщиков дани. Наиболее крупные из них — Заозерье и Шугайлово в бассейне Западной Двины, Городок, Ярцево, Арефино и Кошино в бассейне Днепра — были исследованы в конце XIX — начале XX вв. В. И. Сизовым, а в последние десятилетия — Е. А. Шмидтом и С. С. Ширинским. Эти памятники представляют собой как бы нижний, базовый уровень инфраструктуры Пути из варяг в греки, на вершине которой стояло Гнездово. Большинство из них оставлено носителями культуры смоленско-полоцких длинных курганов, дославянским населением Западной Смоленщины и Северной Белоруссии, которое, в первую очередь, и следует связывать с летописными криви-

чами. Они, безусловно, сыграли ключевую роль в формировании «смоленского» участка Пути из варяг в греки.

Обычно считают, что на территории Смоленского Поднепровья и Подвинья Путь шел по р. Каспле до оз. Касплинского, оттуда переходил в оз. Купринское и р. Катынку и далее продолжался вниз по Днепру. Этот, казалось бы, самый простой вариант представляется сомнительным по нескольким причинам. Во-первых, в верхнем и среднем течении Каспли и на Днепре от Гнездова до современного г. Орши отсутствуют поселения IX — начала XI вв. Удивляться тут нечему. Почвы на этих территориях очень неплодородны, поэтому земледельческое население стремилось их избегать. Это делало невозможным стабильное существование военно-торгового пути, поскольку преодолеть такие значительные насаженные участки рек за один дневной переход было нельзя. Во-вторых, упомянутые отрезки Каспли и Днепра в прошлом изобиловали порогами, каменными грядами и другими препятствиями для судоходства. На Каспле, например, в XVIII — начале XIX вв. кораблекрушения были столь частыми, что в 1824—1925 гг. смоленское купечество добровольно собрало 1500 рублей серебром для расчистки русла реки. В-третьих, местоположение Гнездова, находящегося в 10 км выше впадения Катынки в Днепр, становится совершенно бессмысленным. Гнездово оказалось бы в стороне от военно-торгового пути, которому обязано своим процветанием.

Учет указанных обстоятельств, а также анализ топографии археологических памятников, обслуживавших Путь из варяг в греки, и кладов IX—X вв. позволяет наметить два его маршрута в междуречье Днепра и Двины в пределах Смоленской области. Один из них шел с верховьев Ловати в р. Усвяча (правый приток Западной Двины) и далее: р. Каспля — р. Рутаевичь — р. Клец — оз. Купринское — р. Катынка — вверх по Днепру до Гнездова. Второй маршрут проходил восточнее с верхнего течения Западной Двины: р. Западная Двина — р. Сертейка — Смоленское Поозерье — верховья р. Гобза — р. Царевич — р. Вопь — вниз по Днепру до Гнездова. Из Гнездова Путь шел на левый берег Днепра в р. Сож и уже по Сожу снова выходил в Днепр. Можно было попасть из Вопи в Сож и минуя Гнездово: археологические данные свидетельствуют о существовании в X в. сухопутного перехода с Днепра выше современного Смоленска в верховья Сожа по участку так называемого Старого Ельнинского

тракта — одной из древнейших дорог Смоленщины. Именно на этой дороге, у деревни Долгомостье, жители Смоленска в 1242 г. разбили отряд татаро-монголов, пытавшихся захватить город.

Реконструкция маршрутов Пути из варяг в греки в Смоленском Поднепровье помогает лучше понять центральную роль в этой системе Гнездовского археологического комплекса. Гнездово возникло на месте переправы через Днепр, откуда начиналась дорога к Сожу. Видимо, эта переправа находилась прямо напротив Центрального гнездовского городища в том месте, где на противоположном левом берегу Днепра расположена курганная группа X в. Возможно, рядом с курганами было и небольшое поселение, останки которого пока не обнаружены.

Путь из варяг в греки проходил по рекам, которые были связаны небольшими сухопутными дорогами («волоками»). Особенность «смоленского» участка Пути заключалась в том, что здесь путешественникам приходилось преодолевать совсем незначительные, в основном практически несудоходные реки и речки. Плавать по ним можно было только на небольших лодках длиной не более 10 м, осадка которых не превышала 50—70 см. В основном это были лодки-однодревки, выдолбленные из ствола большого дерева, с бортами из досок, нашитых в 1—2 яруса с помощью специальных железных заклепок. Конечно, красавицы-ладьи с эффектными головами драконов на носу, которые любят показывать в исторических фильмах, по смоленским рекам не ходили. Такие крупные суда могли добираться из Балтики максимум до Ладожского озера. Более того, и на лодках-однодревках навигация была возможна только в течение 1—2 недель после вскрытия льда на реках, во время весеннего половодья (обычно в первой половине апреля). По данным XIX в., в низкую воду даже Днепр в его смоленском течении становился практически несудоходен, а о плавании по другим рекам Смоленской губернии не могло быть и речи.

Такую же картину рисует нам византийский император Константин VII Багрянородный в своем трактате «Об управлении империей» (около 950 г.): «Кривитеины (кривичи)... и прочие Славинии рубят в своих горах моносилы (однодревки) во время зимы и, снарядив их, с наступлением весны, когда растает лед, вводят в находящиеся по соседству водоемы. Так как эти водоемы впадают в реку Днепр, то и моно-

силы из тамошних мест входят в эту самую реку и сплавляются в Киеву (Киев)».

Судоходство по мелким притокам Днепра и Западной Двины и даже по таким крупным рекам, как Ловать, еще более осложнялось в IX—XI вв. из-за того, что весенние паводки в тот период были по ряду причин намного ниже современных. Тому есть и археологические подтверждения: многие поселения этого времени, в том числе и часть Центрального селища в Гнездове, находятся в регулярно затапливаемых ныне поймах рек.

Описания XVIII—XIX вв. свидетельствуют о том, что до распространения пароходов речная навигация никогда не осуществлялась вверх по течению. Длительное время грести против течения на небольших судах, тем более по мелким порожистым речкам, было чрезвычайно тяжело, а в случае перевозки товаров — просто нерентабельно. По всей вероятности, и в эпоху существования Пути из варяг в греки плавание в основном осуществлялось по течению рек. Примечательно, что такой же способ передвижения описан и в приведенном нами отрывке из труда Константина Багрянородного. Что же касается продвижения вверх по рекам, то оно, вероятно, как правило, происходило зимой по льду. В это время Путь как бы становился сухопутным. Учитывая отмеченные нами сложности навигации, в зимнее время он мог функционировать даже более интенсивно, чем весной. О частом использовании его в зимнее время говорится в исландских королевских сагах, описывающих события первой половины XI в.

Обращает на себя внимание тот факт, что реки, составлявшие северную часть Пути из варяг в греки (начиная с левых притоков Западной Двины), текут в основном на север, а более южные (правые притоки Днепра в районе Смоленска, Сож и сам Днепр) — на юг. Смена направления речных путей на противоположное происходит как раз в районе Гнездова. Это заставляет предположить, что многие путешественники, пройдя одну половину Пути «против течения» по льду рек, затем дожидались в Гнездове начала весеннего половодья, чтобы, пересев в лодки, закончить свою поездку вниз по рекам. Действительно, при раскопках Гнездова найдено огромное количество как лодейных заклепок, использовавшихся при изготовлении лодок, так и ледоходных шипов — специальных приспособлений для передвижения по льду, прикреплявшихся к копытам лошади или к подошвам сапог. В трактате

Константина Багрянородного среди других городов, откуда моноксилы весной сплавлялись вниз по рекам в Киев, названа и «крепость Милиниска» (Смоленск).

Попутно отметим, что связывать Смоленск Константина Багрянородного с современным Смоленском сегодня нет серьезных оснований. За время многолетних раскопок в исторической части города не было обнаружено никаких следов его существования ранее 2-й половины XI в. Что же касается городского детинца, т. е. собственно «крепости», то его в Смоленске никогда не было. Очевидно, первоначальным Смоленском является Центральное поселение Гнездова, в том числе его укрепленная часть («крепость»), которая, как считает Т. А. Пушкина, возникла во второй четверти X в. и, следовательно, уже существовала ко времени создания трактата «Об управлении империей».

Становление Пути из варяг в греки, превращение его в главную военно-торговую артерию Древнерусского государства происходило постепенно, в течение нескольких десятилетий. Главную роль в этом процессе, безусловно, играли скандинавы, в том числе первые русские князья и их дружины, поэтому неудивительно, что освоение Пути археологически прослеживается в направлении с севера на юг.

Первые признаки существования Пути относятся ко второй-третьей четверти IX в. Топография монетных кладов свидетельствует о том, что первоначально сообщение между Ловатью и Днепром проходило немного западнее Смоленщины, в районе современных Витебска и Орши. Однако и на территории Смоленского Подвинья сделаны немногочисленные и еще разрозненные находки, которые свидетельствуют о том, что жившее здесь население уже тогда начало включаться в международную торговлю. Одной из таких находок является большой клад, найденный у д. Кислая на р. Жереспея (приток Каспли), в состав которого, наряду с восточными монетами — сасанидскими драхмами и арабскими дирхемами, входил золотой полубрактеат, чеканенный в Хедебю (Дания) ок. 825 г.

Археологические данные вполне согласуются со сведениями письменных источников. Согласно Бертинским анналам, одной из летописей Франкского королевства, в 839 г. в Константинополь прибыли (вероятно, из Ладоги) шведы, послы кагана Росов, преодолев, таким образом, весь Путь из варяг в греки с севера на юг. Четверть века спустя (в «Повести временных лет» — 863 г.) другие знатные скандинавы, Ас-

кольд и Дир, отпросившись у Рюрика совершить со своими дружинами поход на Византию, прошли от Волхова до Днепра и обосновались в Киеве, а в 866 г. напали на Константинополь. Примечательно, что, по словам летописца, Аскольд и Дир узнали о существовании Киева, только увидев его собственными глазами. Это говорит о том, что в третьей четверти IX в. Путь из варяг в греки еще не был по-настоящему освоен и использовался лишь эпизодически.

По данным археологии, инфраструктура военно-торговых путей в междуречье Днепра и Западной Двины складывается в конце IX — первой половине X вв. Путь по Сожу окончательно оформился, видимо, немного позже, около середины X в. К середине X — началу XI вв. относится период расцвета Пути из варяг в греки. В это же время расцвет переживает и Гнездово.

Действительно, именно в середине X в. Гнездовское поселение приобретает черты раннегородского центра. Сопоставление данных археологического изучения Гнездова и синхронных поселений Смоленского Поднепровья и Подвинья позволяет увидеть причину этого в установлении стабильного сообщения между Ловатью и Днепром через территорию Смоленщины. Что же касается Гнездова конца IX — первой трети X вв., то по своим масштабам и топографии оно, видимо, не выделялось среди таких поселений, как Заозерье, Ярцево или Арефино, хотя, безусловно, и отличалось от них этническим составом населения и более ярко выраженным торгово-ремесленным характером. Своим быстрым возвышением Гнездово обязано, в первую очередь, чрезвычайно выгодному расположению на пути «из варяг в греки».

Первое изменение облика Гнездова произошло, вероятно, в 30-е гг. X в. К этому времени относятся два небольших монетных клада, найденные на селище. Примерно тогда же сооружаются первоначальные укрепления Центрального городища («крепость Милиниска»), а также, по мнению ряда авторов, в Гнездове появляется гончарный круг. Все эти факты, в случае их действительной синхронности, определенно свидетельствуют о «смене власти» в Гнездове, связанной с приходом какой-то новой группы населения.

Одновременно с этим происходит еще одно событие. В 5 км к северо-востоку от Гнездова, в бассейне р. Дубровенка, у нынешнего поселка Новоселки возникает поселение, которое,

без сомнения, является одним из самых удивительных археологических памятников Смоленского Поднепровья. Оно состоит из городища, к сожалению, почти не исследованного археологами, и курганной группы, насчитывавшей до 40 насыпей. Курганы в Новоселках многократно раскапывались в 1920—1960-х гг. А. Н. Лявданским, Е. А. Шмидтом и С. С. Ширинским. В них найдены погребения скандинавов с оружием (в том числе 3 меча), весовые гири и т. д., причем учитывая общее количество курганов, в гораздо большей концентрации, чем в Гнездове. Погребения, судя по всему, сооружались в течение очень непродолжительного времени — в 30—50-х гг. X в. Облик похороненных в курганах мужчин рисуется достаточно четко: это были скандинавы, зачастую довольно состоятельные. Женская часть коллектива состояла как из скандинавок, так и из представительниц местного балтского населения.

Тесная связь Новоселок и Гнездова очевидна. Видимо Новоселки представляли собой военный лагерь, который должен был предохранять Гнездово от нападения с северо-востока. Такая угроза была вполне реальной. Дело в том, что путь по Каспле, который, как уже говорилось, был труднопроходим из-за отсутствия обслуживавших его поселений и многочисленных естественных преград, все же мог эпизодически использоваться (в первую очередь зимой), особенно для того, чтобы через реки Жереспя и Дубровенка неожиданно подойти к Гнездову. По «легальному», обеспеченному инфраструктурой пути сделать это было сложно: на нем наверняка существовала система оповещения об опасности.

Курганы в Новоселках, которые начали насыпать не ранее 30-х гг. X в., отличает одна особенность: почти все они имеют своеобразную квадратную форму. Несколько подобных курганов есть и в Гнездове, причем там они также содержат скандинавские погребения, но относятся, видимо, к немного более раннему времени. Это наводит на мысль, что и те, и другие представляют собой одну погребальную традицию. В связи с этим заманчиво было бы предположить, что установившаяся в Гнездове «новая власть», устроив крепость в Новоселках, решила сразу две проблемы: обезопасила зарождающийся город от вторжения и удалила от себя прежнюю «элигу».

Около середины X в. или немного позже инфраструктура военно-торговых путей в Смоленском Подвинье дополнилась одним существенным элементом. В бассейне Каспли возво-

дится серия крепостей: Сураж при впадении Каспли в Западную Двину, Каспля у истока реки из оз. Каспьянское, Вержавск у р. Гобза, городище у д. Заборье на р. Половья и городище у д. Загоскино вблизи истока Гобзы. Интересно расположение этих археологических памятников. Почти все они (кроме Суража) находятся не на самих маршрутах Пути из варяг в греки, а немного в стороне от них. При этом Сураж, Каспля, Вержавск и Заборье занимают пересечения крупнейших рек Смоленского Подвинья с границей огромной незаселенной территории, занимавшей большую часть бассейна Каспли и поречье Западной Двины. Это никем не контролируемое пространство, перерезанное крупными водными артериями, как уже говорилось, было источником постоянной опасности. Укрепленные поселения, где, вероятно, находились военные отряды, должны были обезопасить трассы военно-торговых путей и жившее на них население, а также пресечь уклонение от различных даней и вир, которые, возможно, взимались с путешественников. Таким образом, эти крепости как бы «запирали» основные ответвления от пути «из варяг в греки», не давая двигаться в обход. Видимо, ту же функцию выполняло и городище у д. Загоскино, прикрывавшее путь, шедший через Смоленское Поозерье и р. Вопь, со стороны мало освоенных в X в. бассейнов Межи и Вотри.

Постройка такой системы укреплений, возникших примерно синхронно, была возможна только усилиями государственной власти, которая стремилась поставить главную стратегическую дорогу Руси под свой полный контроль.

Определенные перемены, по всей видимости, происходят в это время и в Гнездове. В центральной части археологического комплекса в разное время обнаружено 5 кладов, младшие монеты которых чеканены в интервале 948—961 гг. Величина и состав этих кладов сильно отличают их от тех, которые были зарыты в Гнездове в 30-е гг. X в. Монет в них гораздо больше, а кроме них, в эти кладки входили высококлассные и дорогие серебряные украшения, привезенные в основном из Скандинавии и Юго-Западной Руси. Если кладки 930-х гг., в некоторой степени отражающие социальный облик гнездовской «элиты» первой трети X в., можно охарактеризовать как «оборотный капитал» не слишком крупных торговцев, то здесь мы явно имеем дело с сокровищами богатой родовой аристократии. По датам младших монет можно заключить, что все 5 кладов или большая их часть были спрятаны одновременно, скорее всего в первой половине 960-х гг.

Так Гнездово оказалось отрезано от одного из главных маршрутов Пути из варяг в греки, в значительной мере утратив роль важного транзитного пункта. Безусловно, это ускорило его упадок и во многом предопределило, с возникновением в 1054 г. Смоленского княжества, перенос города на новое место.

А. С. КРЕМЕНЬ, С. А. КРЕМЕНЬ

ПРИРОДНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ В СТАНОВЛЕНИИ И ИСТОРИИ ГНЕЗДОВА

Богата и по-своему неповторима земля Смоленская историческими, археологическими и природными памятными местами. Удивительно тесно они переплелись здесь, почти в центре европейской части государства Российского. По этому поводу известный журналист географ С. В. Рычагов (1996) заметил на страницах газеты «География» (приложение к газете «1 Сентября»): «Смоленской земле географической судьбой суждено быть солнечным сплетением Родины — нервным узлом, особенно остро чувствующим боль, причиняемую стране, — у Севастополя ли, у Бреста ли...».

Сердцевиной этого сплетения, несомненно, являются Смоленск—Гнездово, исторический путь становления которых, по мнению профессора Смоленского педуниверситета А. А. Кондрашенкова, следует рассматривать параллельно, в тесной связи друг с другом. Вместе с тем, со временем менялись их роли и позиции, но не значение. Что касается Смоленска, то поселений его первого упоминания (863), как пишет известный археолог Д. А. Авдусин (1991), пока не обнаружено. Гнездово имеет убедительные археологические доказательства, указывающие на его появление в IX веке. Гнездово, по выражению исследователя, в т. ч. и Гнездовского некрополя, Т. А. Пушкиной (1997), «как населенный пункт, появилось в IX веке, в город не вошло, но и с карты не исчезло». По ее мнению (1991), «...здесь, в Гнездове, занималась заря русской государственности». Вслед за Т. А. Пушкиной и известным исследователем археологических памятников Смоленщины Е. А. Шмидтом (1992, 1997) этого взгляда придерживаются и авторы данной статьи, оценивая важную роль в появлении, становлении и развитии Гнездова — географического фактора. В их числе: выгодность географического положения и уникальное сочетание природных условий.